

HAL
open science

**Захоронения с конями на могильниках
самбийско-натангийской культуры и антропологические
данные Ответственный редактор -Роман А. Рабинович
Stratum plus**

Michel M Kazanski, Anna Mastykova

► **To cite this version:**

Michel M Kazanski, Anna Mastykova. Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры и антропологические данные Ответственный редактор -Роман А. Рабинович Stratum plus. Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology, 2021, 5, pp.267-279. <hal-03412405>

HAL Id: hal-03412405

<https://hal.science/hal-03412405v1>

Submitted on 3 Nov 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

ЗАКОН ПРИРОДЫ И ПРИХОТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Влияние природных факторов на историю Древней Руси

Ландшафтные ниши кочевников в земледельческом обществе

Животный мир в искусстве: образы и реальность

Зооморфные элементы в керамике и каменной пластике

«Персидские» и «римские» собаки в средневековом Китае

Меха и перья в европейском средневековом костюме

От мифа к семантике сакрального ландшафта

Мясо и рыба в рационе питания населения Восточной Европы

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

М. М. Казанский, А. В. Мастыкова

Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры раннего средневековья и антропологические данные

Keywords: Southern Baltica, early Middle Ages, Sambian-Natangian culture, horse burials, anthropological data, gender indicator, social indicator

Cuvinte cheie: Baltica de Sud, evul mediu timpuriu, cultura sambian-natangiană, morminte de cai, date antropologice, indicator gender, indicator social

Ключевые слова: Южная Прибалтика, раннее средневековье, самбийско-натангийская культура, конские погребения, антропологические данные, гендерный индикатор, социальный индикатор

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

Burials with Horses at the Necropolis of the Sambian-Natangian Culture of the Early Middle Ages and Anthropological Data

This paper compares the results of anthropological research and information about the burial of horses in the burial grounds of the Sambian-Natangian civilisation (Dolkeim-Kovrovo culture). The inclusion of anthropological analysis data from the cemeteries of Mitino and Zaostroye-1 shows that for the Merovingian period and the beginning of the Viking period, the connection of horse burials exclusively with male graves is not certain. Horse burials are accompanied here by male, female and children's burials. Presence of a horse in the burials of Sambian-Natangian culture was undoubtedly a social marker, and Roman period was associated primarily with military funerary rituals. At the beginning of the Middle Ages, the custom of burying a horse was "democratized" and widely used. However, presence of horses in burials continues to play the role of a social indicator, but now it is not the presence of the horse that is indicative, but their number.

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

Înmormântări cu cai în necropolele culturii sambian-natangiene din evul mediu timpuriu și datele antropologice

În lucrare sunt corelate rezultatele cercetărilor antropologice și datele despre înmormântările de cai în necropolele culturii sambian-natangiene (cultura Dolkeim-Kovrovo). Antrenarea datelor analizei antropologice din necropolele Mitino și Zaostroye-1 arată că pentru perioada merovingiană și începutul epocii vikingilor legătura mormintelor de cai exclusiv cu morminte de bărbați nu este indiscutabilă. Înmormântările de cai însoțesc aici morminte de bărbați, femei și copii. Prezența calului în mormintele culturii sambian-natangiene, fără îndoială, era și marker social, și în perioada romană era legată în primul rând de riturile funerare militare. La începutul perioadei medievale tradiția îngropării calului se „democratizează” și capătă răspândire largă. Prezența cailor în morminte continuă se joacă rol de indicator social, însă deja semnificativ este nu simplul fapt al prezenței cailor, ci numărul lor.

M. M. Kazanski, A. V. Mastykova

Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры раннего средневековья и антропологические данные

В данной работе сопоставлены результаты антропологических исследований и сведения о захоронениях лошадей в могильниках самбийско-натангийской культуры (культура Доллькейм-Коврово). Привлечение данных антропологического анализа из некрополей Митино и Заостровье-1 показывает, что для меровингского времени и начала эпохи викингов связь конских захоронений исключительно с мужскими могилами не является бесспорной. Конские захоронения сопровождают здесь мужские, женские и детские погребения. Присутствие коня в погребениях самбийско-натангийской культуры, несомненно, являлось и социальным маркером, а в римское время было связано в первую очередь с воинскими погребальными ритуалами. В начале средневековья обычай погребения коня «демократизируется» и получает широкое распространение. Наличие коней в погребениях продолжает играть роль социального индикатора, но теперь показательным является не сам факт присутствие коня, а их количество.

В данной работе будут сопоставлены результаты антропологических исследований и сведения о захоронениях лошадей в могильниках самбийско-натангской культуры (культура Доллькайм-Коврово по терминологии польских археологов) на территории современной Калининградской области. Для этих памятников, да и вообще для балтских культур в римское и средневековое время присутствие конских останков в погребениях является типичным (Jaskanis 1966; Müller-Wille 1971: 176—189, Liste V; Jaskanis 1974: 471; Jaskanis, Okulicz 1981: 226; Кулаков 1990: 21, 22; 1994: 36, 37; 2003: 89—93; Nowakowski 1996: 63; Gręzak 2007; Сквиорцов 2010: 24—26; Казанский, Зальцман, Сквиорцов 2018: 12). Носители самбийско-натангской культуры соотносятся с эстиями (*Aestii*), известными нам по письменным источникам I—IX вв. (Тацит, Кассиодор, Иордан, «Орозий короля Альфреда», Эйнхард) (см. подробнее: Казанский, Зальцман, Сквиорцов 2018: 38—39, там же ссылки на источники).

Наибольшая концентрация конских захоронений у западных балтов наблюдается на Самбийском полуострове (Müller-Wille 1971: Abb. 39, 40; Nowakowski 1996: Karte 13; Кулаков 1994: 37). Сейчас известно не менее 110 самбийско-натангских могильников с захоронениями коней, они составляют для VI—XIII вв. около 32% от общего количества погребальных комплексов (Кулаков 1990: 21). Так, например, на раскопанных широкой площадью могильниках Митино (раскопки К.Н. Сквиорцова) на 2010 г. было выявлено 64 погребения с конями, из общего числа 259 изученных комплексов (рис. 1) (Сквиорцов 2010: 26), и в Заостровье-1 (раскопки Э.Б. Зальцмана) — 49 из 90 (рис. 2) (Казанский, Зальцман, Сквиорцов 2018: 12—13). Захоронения коней в Самбии и Натангии появляются вместе с возникновением самой культуры, в периоды B1–B2 (соответственно, 10/20—70/80 и 70/80—160/170 гг.) по хронологии европейского Барбарикума и фиксируются вплоть до «позднезычского» времени (период H по западнобалтийской шкале, см.: Сквиорцов 2010: 9), т.е. по XIII в. включительно. Часто встречаются и погребения с предметами конского снаряжения (Кулаков 2003: 84—93, рис. 26—28).

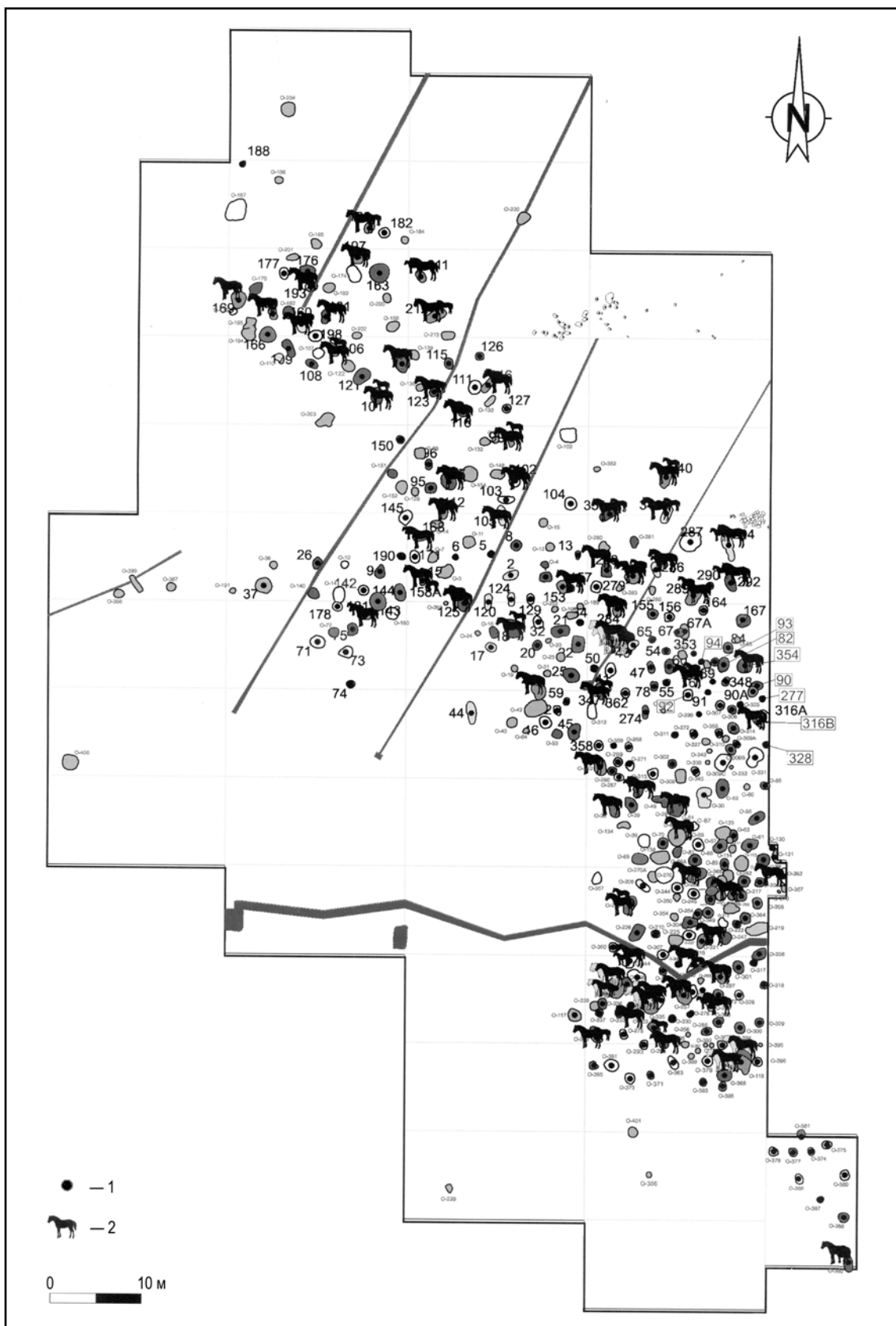
Конские захоронения достаточно хорошо представлены и на могильниках других западнобалтских культур/групп, в частности, в богачевской культуре (Gręzak 2007;

Nowakowski 2009), в судаховской/голдапской группе (например: Bitner-Wróblewska 2007) или в эльблонгской группе (Kontny, Okulicz-Kozarin, Peitrzak 2009). Погребения с лошадьми известны и у восточных балтов, также с римского времени и до эпохи средневековья, в частности, на территории Литвы (см., например: Куликаускаене 1953; Bliujienė, Butkus 2009; Bliujienė, Steponaitis 2009, а также другие статьи в *Archaeologia Baltica* 11, 2009; Bliujienė et al. 2017).

Появление обряда захоронения лошадей у балтов связано то ли с культом коня, зафиксированным у многих народов Европы, то ли с влиянием воинских обрядов сармато-германского происхождения, распространившихся во время Маркоманских войн (Сквиорцов 2010: 25—26). Однако конских захоронений нет у соседних континентальных германцев, т.е. у населения вельбаркской культуры, занимавшего в I—V вв. бассейн Нижней Вислы (см.: Ciešinski 2010), хотя в вельбаркских погребениях нередко встречаются всаднические шпоры. В римское время захоронения коней вообще редко встречаются в германском Барбарикуме (Müller-Wille 1971: 169—176, Abb. 39, Liste IV–12—15), хотя сам обычай у германцев засвидетельствован Тацитом уже в конце I в. н.э. (Tacite, *La Germanie*, XXVII). Захоронения коней появляются на Нижней Висле лишь с появлением здесь эльблонгской группы, сменившей вельбаркскую культуру (см. выше). Эта культурная группа с сильным балтским компонентом, видимо, соответствует видивариям (*Vidivarii*) Иордана (Jordanes, *Getica*, 36).

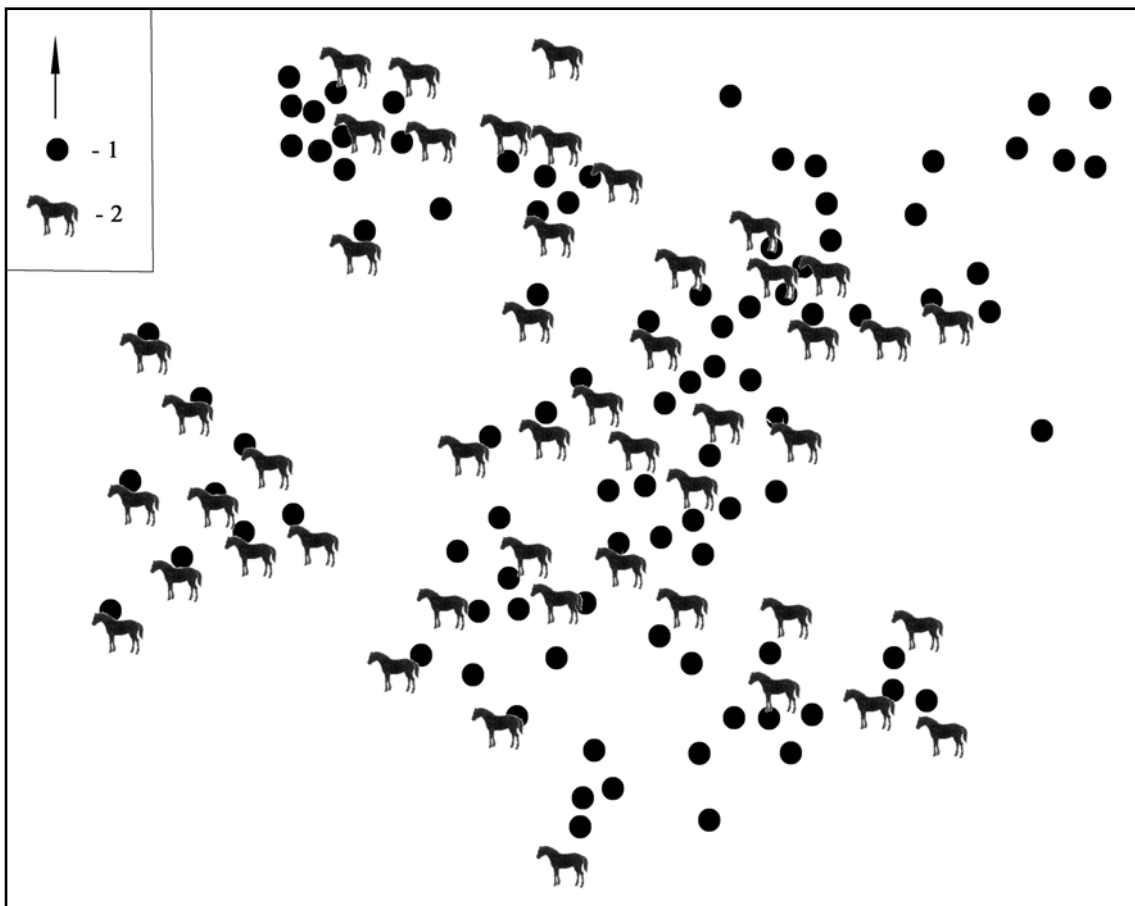
В самбийско-натангских некрополях скелеты коней находят уложенными на брюхе, с подогнутыми ногами, обычно головой на юг. Отмечаются случаи находок изолированного конского черепа, иногда конечностей, что интерпретируется как помещение в могилу шкуры. Особенно этот погребальный обычай распространяется с начала средневековья (Кулаков 1994: 36—37; 1994: 37, рис. 19; 2003: 93). Лошади очень часто погребались взнузданными, с удилами, а в привилегированных погребениях, начиная с эпохи Великого переселения народов, находят и остатки жестких седел с металлическими обкладками, а также металлические элементы «парадных» конских гарнитур (см. ниже); еще позднее, уже в эпоху средневековья, в конских захоронениях появляются и стремена.

№5. 2021

Рис. 1. Распределение погребений с конями на могильнике Митино (ситуация 2010 г.). Условные обозначения: 1 — погребения; 2 — захоронения коней (по Скворцов 2010: рис. 39).

Fig. 1. Distribution of tombs with horses at the Mitino burial ground (for 2010). Legend: 1 — burials; 2 — burials with horse (after Скворцов 2010: рис. 39).

Рис. 2. Распределение погребений с конями на могильнике Заостровье-1. Условные обозначения: 1 — погребения; 2 — захоронения коней (по Казанский, Зальцман, Скворцов 2010: рис. 11).

Fig. 2. Distribution of tombs with horses at the burial ground Zaostroye-1. Legend: 1 — burials; 2 — burials with horse (after Казанский, Зальцман, Скворцов 2010: рис. 11).

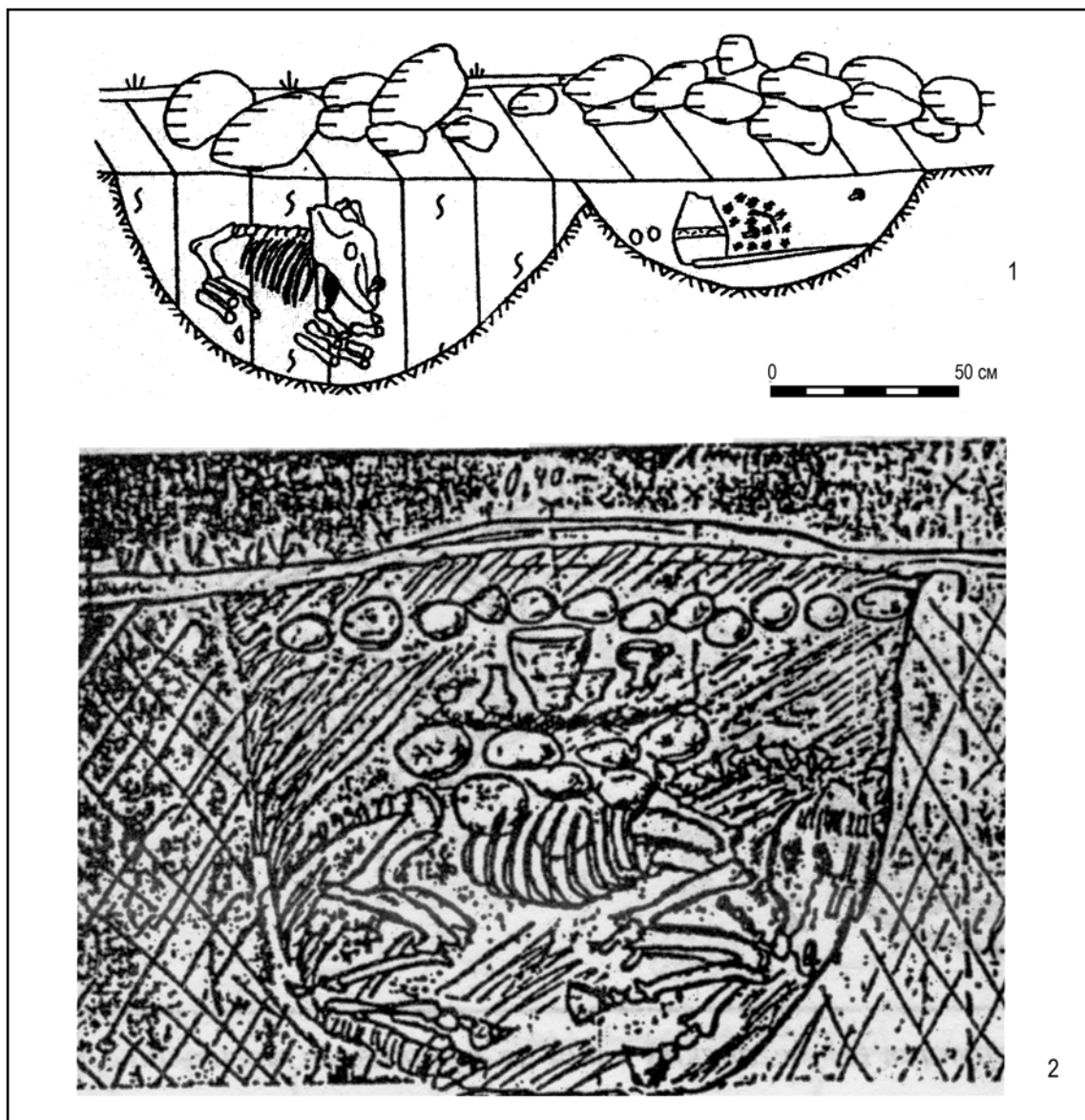
В римское время, реже в меровингскую эпоху¹, конь обычно размещался рядом с погребением (рис. 3: 1), чаще всего к западу от всадника (Кулаков 1994: 34, 36; Скворцов 2010: 26—28; 2016: 152—153; Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 12). Для меровингского времени отмечены и иные позиции — например, в могильнике Заостровье-1 удалось зафиксировать помещение захоронения коня к востоку от остатков кремации. Это погребение 15.3, содержащее остатки кремации взрослого человека, было разрушено ямой XIX в., а к востоку от него, вне позднего перекопа, были обнаружены останки коня (Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 110, табл. 70).

Однако с эпохи Великого переселения народов наибольшее распространение получают так называемые ярусные погребения, когда

конь помещается в нижней части погребальной ямы, а сверху его перекрывает захоронение остатков кремации. Ярусные погребения изредка фиксируются уже в римское время (Кулаков 2003: 295) (рис. 3: 2), но особенно они становятся распространенными и даже доминирующими в эпоху переселения народов и меровингское время, как это показали широкомасштабные раскопки на могильниках Коврово-Доллкайм (Dollkeim), Митино, Заостровье-1. Сохраняется этот обычай, по крайней мере, вплоть до XIII в. В качестве примера можно назвать недавно опубликованное погребение №1 могильника Куликово-Сортенен (Sorthenen), датированное по радиоуглеродным анализам временем около 1220 г. (Клеценко, Хомякова 2019: 359—361). Ярусные захоронения известны не только в самбийско-натангийской культуре, но и у восточных балтов, на территории Литвы (см. например: Куликаускаене 1953: 214—215, рис. 1).

На могильниках самбийско-натангийской культуры хорошо известны и изолированные

¹ Что соответствует периодам Е и F по западнобалтийской хронологической схеме (см.: Скворцов 2010: 9; Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 7).

Рис. 3. Позиция лошадей в погребениях самбийско-натангической культуры: 1 — «Гора Великанов» / Хюненберг (Hünenberg); 2 — Изобильное / Кляйн Флюсс (Klein Fluß) (по Кулаков 2005: рис. 55, 75).

Fig. 3. The position of horses in the burials of Sambian-Natangan culture: 1 — “Gora Velikanov” / Hünenberg; 2 — Izobilnoe / Klein Fluß (after Кулаков 2005: рис. 55, 75).

конские захоронения, которые сложно привязать к конкретному погребению. Для территории Восточной Пруссии на 1990 г. был зафиксирован 121 случай одиночного погребения коня (Кулаков 1990: 22). В меровингскую эпоху одиночные конские захоронения зафиксированы, в частности, на могильниках Митино и Заостровье-1. В целом отдельные конские захоронения довольно широко распространены у балтов в широком хронологическом диапазоне (Скворцов 2010: 30, 31).

Остеологические коллекции для эпохи переселения народов и раннего средневековья изучены на могильнике Заостровье-1 (1650 ко-

стей от 49 лошадиных скелетов из 49 погребений). Возраст всех захороненных лошадей на этом могильнике не превышал шести лет, т. е. они не достигали зрелости и их еще нельзя было использовать в качестве скаковых. При этом среди определимых останков встречены только кости жеребцов. По мнению А.В. Зиновьева, использование молодого жеребца в качестве жертвенного животного является одним из элементов погребального обряда, характерного именно для могильника Заостровье-1 (Зиновьев 2018).

Считается, что захоронения коней в балтском контексте соотносятся прежде всего

с мужскими погребениями (Okulicz 1973: 384; Nowakowski 1996: 63; Скворцов 2010: 25). Действительно, в римское время, да и в эпоху переселения народов конские захоронения и помещения в могилу конского снаряжения очень часто коррелируются с погребениями, содержащими оружие, что практически во всех археологических культурах всегда считается признаком мужских погребальных комплексов (Кулаков 2005; Мاستыкова, Юганов 2019, там же библиография с указанием конкретных погребений). Та же тенденция легко просматривается у пруссов, прямых наследников эстиев, и в эпоху викингов² (Кулаков, Витязь 2001). Такая соотнесенность присутствия коня именно с могилами воинов объяснялась представлениями древних эстиев о загробном мире, согласно которым воины на конях прибывали в Валхаллу, в чертоги Одина, где павшие герои проводили время в пирах и сражениях (Кулаков 2003: 93—94).

Впрочем, ни для римского времени, ни для средневековья до сравнительно недавнего времени не проводились антропологические исследования костных останков из самбийско-натангийских погребений, и все выводы строились, как и в XIX в., исключительно на данных археологического изучения погребального инвентаря. Однако после того как было проведено серийное изучение человеческих костных остатков на могильниках Митино, Заостровье-1, Заостровье-2 (Добровольская 2010; 2018) и некоторых других (см. например: Кулаков 2014; Клеценко, Хомякова 2019), привлечение результатов антропологического анализа представляется необходимым, тем более что первые же исследования в этой области показали относительность археологических признаков гендерной принадлежности самбийско-натангийских погребений (Мастыкова, Добровольская 2013: 77).

Рассмотрим ситуацию подробнее. К сожалению, для римского времени, количество антропологически изученных и введенных в научный оборот комплексов с захоронением коня является ничтожным. Можно назвать, пожалуй, лишь исследования на могильнике римского времени Заостровье-2³ (раскопки А. В. Мاستыковой, К. Л. Юганова), проведен-

ные М. В. Добровольской и Н. А. Лейбовой, где были определены половозрастные характеристики для шести погребений. Из них парное (мужское и женское) — 1, детское — 1, женских индивидуальных — 3. Конские кости встречены в 9 погребениях (изучены Е. Е. Антипиной), но из них лишь одно увязывается с антропологически определяемыми захоронениями — это парное погребение 44 (Мастыкова 2012; Юганов 2012; Мاستыкова, Юганов 2019: 215—217). Погребением коня сопровождалось и парное захоронение №3.2017 г. первой половины — середины II в. могильника Романово-Пугачевский пруд, где обнаружены останки мужчины и подростка (Мастыкова, Добровольская, Антипина 2021). Столь же отрывочны опубликованные данные и по другим балтским культурам римского времени. Как мужское было идентифицировано кремационное погребение №30 на могильнике Нетта (Netta), принадлежавшем судовской культуре/голдапской группе западных балтов, сопровождавшееся конским захоронением 30А, расположенным к северу от кремации. Комплекс датируется периодом C1a (около 160/180—210/230 гг.) (Bitner-Wróblewska 2007: 18, pl. XV)⁴.

Гораздо лучше выглядит ситуация для меровингского времени и начала эпохи викингов, поскольку, как уже говорилось, на двух могильниках — Митино и Зостровье-1 проведены серийные антропологические исследования (Добровольская 2010; 2018).

Так, в некрополе Митино антропологически изучено 159 погребений, из них 30 определены как мужские, 31 — как женские и 32 — как детские (Добровольская 2010: 202). Из них конскими захоронениями сопровождалось 9 (9)⁵ мужских могил, т. е. приблизительно 30% от общего числа определенных как мужские; 3 (3) — женских, т. е. 14%, и 3 (2) детских погребения, т. е. 14 (9) %.

На могильнике Заостровье-1, где радиоуглеродный анализ позволил выявить погребения меровингского времени и начала эпохи викингов⁶, изучены костные останки

⁴ Второе конское захоронение данного некрополя, №47, к конкретному погребению не привязывается (см. план: Bitner-Wróblewska 2007: fig. 2).

⁵ Здесь и далее первая цифра обозначает общее число погребений, определенных по полу и возрасту предположительно, вторая — число наиболее надежных определений.

⁶ К эпохе викингов, судя по радиоуглеродным датировкам, относятся, по крайней мере, два погребения с конями — 18.1 (869—1017 гг.) и 40.2 (862—988 гг.) (Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 12).

² По западнобалтской хронологической шкале это период G, который начинается около 750 г. (см.: Скворцов 2010: 9; Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 7).

³ Соответствует могильнику Шлакалькен (Schlakalken)-III/IV, изучавшемуся еще в XIX в. (см.: Jankuhn 1939). В настоящее время материалы могильника Заостровье-2 готовятся к публикации.

из 75 кремаций. Их них 7 оказались мужскими, 8 — женскими, 13 — детскими и подростковыми (Добровольская 2018). Из них 6 (1), т.е. 85 (14)% мужских погребений сопровождалась захоронениями лошадей. Для женских погребений эта цифра составляет 8 (4), иными словами, 100 (50)% антропологически определённых погребений. Наконец лошади обнаружены в 3 (1) детских захоронениях, т.е. 23 (7)%. Надо отметить, что некоторые женские погребения с лошадьми могли принадлежать относительно привилегированной части социума, оставившего этот некрополь. Так, женское погребение с конем №18.3 содержало в своем инвентаре питьевой рог с металлической оковкой — предмет, указывающий на довольно высокий статус погребенной (Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 110—111).

Антропологические анализы производились и для части материала (раскопки В.И. Кулакова в 1985, 1987, 1988 гг.) некрополя Хюненберг (Hünenberg) — «Гора Великанов», где доминируют погребения эпохи переселения народов и меровингского времени и где также найдены конские останки. Здесь за всё время исследований обнаружено не менее 430 погребений, в том числе изолированные конские захоронения, погребения, где остатки кремации располагаются к востоку от коня, а также несколько «ярусных» погребений (Кулаков 2014). Всего антропологически выявлено четыре женских индивидуальных погребения, два мужских, одно парное (мужское и женское) и одно коллективное (три индивида, в том числе один ребенок и один взрослый). Однако, по опубликованным данным, ни в одном случае эти погребения не сопровождалась конскими останками. К сожалению, насколько можно судить по публикации, антропологические исследования не были проведены на таком важном памятнике самбийско-нотангской культуры, как Долъкайм-Коврово (раскопки В.И. Кулакова в 1992—2002 гг.) (Кулаков 2007).

Для более позднего, «позднеязыческого» времени число антропологически изученных и опубликованных погребений с конями, как и для римского времени, крайне незначительно. По сути, можно назвать лишь погребение №1 могильника Куликово-Сортенен (Sorthenen), где захоронение взрослого мужчины сопровождалось двумя конями и всадническим снаряжением. По данным радиоуглеродного анализа это захоронение датируется временем около 1220 г. (Клещенко, Хомякова 2019: 359—361).

Интересный сравнительный материал для меровингского времени дал могильник сосед-

ней эльблонгской группы Новинка (Nowinka), где были проведены антропологические исследования. К мужским по данным антропологического анализа (взрослый мужчина) отнесены погребения 8, 26, 34 и, возможно, погребения 17, 62А, сопровождавшиеся конем (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 13, 14—17, 21, 22). Надо отметить, что в погребении 62А находилась пара лошадей (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 31). В то же время погребение 45, содержавшее также и конский скелет, принадлежало, судя по антропологическим данным, молодой женщине. Вероятно, женскими по антропологическим данным являются и погребения 48, 55, 83, 149, также содержавшие скелет коня, причем с погребением 55 соотносятся две лошади (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 25—29, 36, 37, 53). Отмечены случаи, когда лошадь была найдена при парном погребении, антропологически идентифицированное как женское и предположительно мужское — погребение 120 (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 43—44). Имеются и детские (подростковые) захоронения с конем — погребения 80, 104 и, вероятно, погребения 70, 121 (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 33—35, 43, 48—49), а также парные погребения взрослого и ребенка с сопутствующим конским захоронением — погребения 78, 89, вероятно, погребения 82, 102 (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 34—36, 42—44), и погребение 151, принадлежавшее женщине и ребенку, тоже с захоронением лошади (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 53—54). Эти погребения авторы публикации относят к поздней фазе эпохи переселения народов, что в данном некрополе соответствует VI — раннему VII в.

Итак, получается, что, по крайней мере, для меровингского времени и начала эпохи викингов связь конских захоронений исключительно с мужскими могилами не является бесспорной для всех западнобалтских памятников, как в самбийско-нотангской культуре, так и в соседней эльблонгской группе. Наличие женских погребений с конями ставит под сомнение и идею о том, что «присутствие конских костяков на могильниках Самбии следует трактовать не как знак пути умершего в мир иной, а как принадлежность воина в заоблачных чертогах Владыки Павших — Водана/Одина, то есть как субъект жертвоприношения в соответствии с древнегерманскими культовыми традициями» (Кулаков 2003: 93—94). Даже если оставить в стороне более чем спорный вопрос о том, знали ли «самбийские» воины о существовании германского Одина и его заоблачных чертогов, присут-

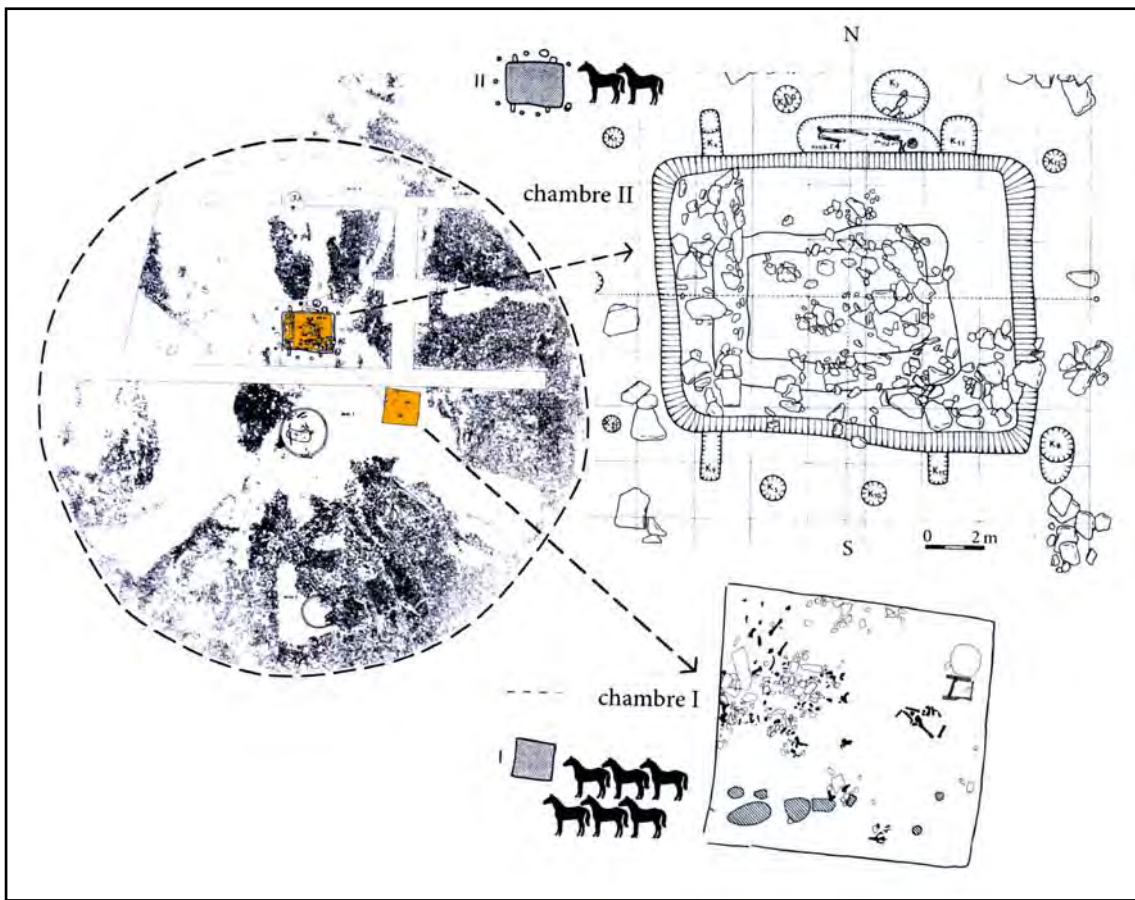

Рис. 4. «Княжеские» погребения в Журани (по Tejral 2017: fig. 17).

Fig. 4. "Princely" burials in Žuráň (after Tejral 2017: Fig. 17).

ствие там «женского коллектива» из Митино и Заостровья-1 полностью дискредитирует сам принцип существования и функционирования этого «мужского клуба». Кстати, «самбийские» дамы оказались бы там не единственными представительницами прекрасного пола. В «княжеском» кургане Журань (Žuráň) в Южной Моравии, где зафиксированы две погребальные камеры, относимые к VI в. и атрибутированные как лангобардские, обе сопровождалась захоронениями нескольких лошадей (Poulik 1995) (рис. 4). Одна из камер (№II) принадлежала женщине, останки которой были антропологически исследованы (Tejral 2013: 392—401; 2017: 122—129). Кроме того, по характеру погребального инвентаря к женским отнесены и такие могилы с конями, как Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), погребение 910 у франков на Рейне, Вёрс (Vörs) и Хаускирхен (Hauskirchen) у лангобардов на Дунае (Müller-Wille 1971: Tab. I, Liste I: 108, 212, 214). Не менее странным для Вальгаллы — небесного чертога мертвых воинов, где они продолжают ту же героическую жизнь

со всеми излишествами, — было бы присутствие детей, которые, как мы убедились, тоже погребались с конями в могильниках Митино и Заостровье-1.

Если подвести итог, конские погребения могли выступать как гендерный индикатор у эстиев римского времени. Об этом свидетельствует частое присутствие коней в могилах с оружием, что, конечно, следует проверить представительной выборкой антропологических данных. Однако начиная с мерovingского времени этот показатель теряет свое значение, и конские захоронения сопровождают как мужские, так и женские погребения.

Присутствие коня в погребениях самбийско-нотангской культуры, несомненно, являлось и социальным маркером, по крайней мере в римское время (Кулаков 1994: 145—146; Мастыкова, Добровольская, Антипина 2021: 75). Показательно, что конские захоронения сопровождают самые богатые, с точки зрения инвентаря, погребения, где зачастую имеется и «парадный» конский убор

№5. 2021

(см. примеры: Кулаков 2005). В самбийско-нотангских могилах с оружием первых веков н. э. конские останки присутствуют в комплексах уровней 1 и 2, где встречено «профессиональное» оружие (чаще всего щиты) и шпоры. Однако коней практически нет в погребениях уровня 3, содержащих только «народное» оружие (копья, топоры) (Мастыкова, Юганов 2019: 223—230).

Позднее, в средневековье, обычай помещения коня в могилу «демократизируется» и получает более широкое распространение (Кулаков 1994: 25). Этот вывод подтверждают и исследования в некрополях Митино и Заостровье-1, где конские останки встречаются повсеместно (рис. 1; 2), в том числе в могилах без погребального инвентаря (Скворцов 2010; Казанский, Зальцман, Скворцов 2018: 12, 13). Однако было бы неверно утверждать, что захоронения лошадей полностью теряют свою социальную символику. Теперь роль социального маркера играет не столько сам факт присутствия лошадиных останков в захоронении, сколько количество лошадей, задействованных в погребальном обряде. Теперь привилегированные могилы с богатым и социально значимым инвентарём сопровождаются не одним, а двумя и более конями. В качестве примера можно процитировать такие находки 2-й пол. V — 1-й пол. VI в. как Митино, погребение 335 — с двумя конями и «парадным» седлом (Скворцов 2010, 2: 95, 96; 2016: 151, 152), Митино, погребение 33/43 — с двумя конями (Скворцов 2016: 152, 153, рис. 3) (рис. 5), Шоссейный, погребение 2012 г. — с двумя погребенными по обряду кремации и несколькими конями (Скворцов 2016: 153—155). Уже ставший знаменитым некрополь Алейка-7 содержал несколько привилегированных погребений несколько более позднего времени, 2-й пол. VI — VII в., где, судя по предварительной информации, элитные кремации в деревянных камерах сопровождались захоронениями коней, от двух до четырех особей. Надо особо отметить комплекс X-22/X-22A, с роскошным питьевым рогом, сопровождавшийся останками четырех коней (Скворцов и др. 2018: 350—353). Судя по уже цитированной находке в Куликово, обычай захоронения двух и более коней существует в Восточной Пруссии и позднее, по крайней мере, вплоть до XIII в. (Клещенко, Хомякова 2019: 359—361). Практика захоронения нескольких коней появляется у носителей самбийско-нотангской культуры уже в римское время. Об этом свидетельствует находка в погребении 114 могильника Березовка-Гросс Оттен-

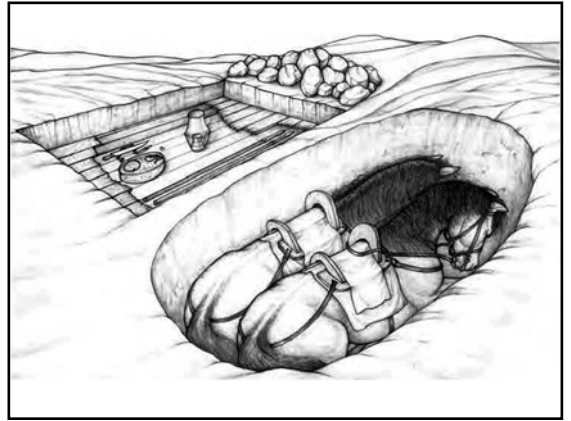

Рис. 5. Погребение 33/43 в Митино (по Скворцов 2016: рис. 3).

Fig. 5. Burial 33/43 of Mitino (after Скворцов 2016: рис. 3).

хаген (Gross Ottenhagen), где останки двух коней сопровождали две кремации, определенные по составу инвентаря как мужская и женская (Скворцов 2014: 216—219). К сожалению, данные антропологического анализа не опубликованы.

Показательно, что у балтов около устья Вислы, в эльблонгской группе, соотносимой с видивариями (см. выше), парные захоронения лошадей отмечены не только в могилах, антропологически определенных как мужские (Новинка, погребение 62A), но и в женских (Новинка, погребение 55). Последнее обстоятельство может свидетельствовать о довольно высоком социальном статусе захороненной здесь женщины.

Обычай захоронения двух и более коней в элитных погребениях характерен не только для западных балтов. Подобные захоронения, сопровождавшие привилегированные погребения, представлены и у германцев в начале средневековья (Müller-Wille 1971: 127). Можно назвать такие известные погребения, как могила франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai) (см.: Казанский, Перен 2005: 38—39, там же библиография) или уже упоминавшийся курган в Жураны (см. выше). Стоит упомянуть и вендельские погребения в ладях в Средней Швеции, 2-й пол. VI — 1-й пол. VIII в. В самом некрополе Вендель (Vendel) курганы I, III, XI содержали по три захоронения лошадей (Stolpe, Arne 1927: 10, 20, 41; Arrhenius 1983: fig. 3), курганы VIII, IX, XII, XIII — по 2 лошади (Stolpe, Arne 1927: 32, 34, 45, 52), курган VII — 2 лошадиные головы (Stolpe, Arne 1927: 29), и, наконец, курганы X и XIV — по одному конскому захоронению

(Stolpe, Arne 1927: 38, 53). Два коня спровождали и погребение вендельского времени в ладье №8 в Вальсгерде (Valsgårde) (Ardwidsson 1954: 20). В целом же погребения коней как заметное явление появляются в Скандинавии сравнительно поздно, именно в вендельское время (Müller-Wille 1971: 160—163). Исключение составляет находка в «княжеском» захоронении позднеримского времени в Варпелев (Varpelev) в Дании (Müller-Wille 1971: Liste IV—15). В то же время жертвоприношения коней, не связанные напрямую с погребениями, в скандинавской зоне известны уже в эпоху бронзы (Müller-Wille 1971: 180, Abb. 43). При этом широкое распространение получает захоронение шкуры коня, когда сохраняются череп и кости конечностей животного (Müller-Wille 1971: 182, Abb. 44). Поэтому не исключено, что уже упоминавшийся запад-

нобалтский обычай помещения в могилу черепа и конечностей коня связан с северогерманским влиянием (Кулаков 1994: 37, рис. 19; 2003: 93).

Итак, привлечение данных антропологического анализа показало, что у населения самбийско-натангической культуры раннего средневековья обряд конских захоронений претерпел ряд существенных изменений по сравнению с предшествующим римским временем. Присутствие коня в погребениях теряет характер гендерного признака, теперь конские останки фиксируются не только в мужских, но и в женских, а также детских погребениях всех социальных уровней. Отныне социальный статус погребенного выражается не в самом факте наличия сопровождающего конского захоронения, а в количестве принесенных в жертву особей.

Литература

- Добровольская М. В. 2010. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино. В: Сворцов К. Н. *Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г.* Ч. 1. Материалы охранных археологических исследований 15. Москва: ИА РАН, 199—217.
- Добровольская М. В. 2018. Кремации из погребений могильника Заостровье-1. В: Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Сворцов К. Н. *Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии.* Материалы спасательных археологических исследований 22. Москва: ИА РАН, 249—260.
- Зиновьев А. В. 2018. Погребения лошадей из могильника Заостровье-1. В: Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Сворцов К. Н. *Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии.* Материалы спасательных археологических исследований 22. Москва: ИА РАН, 261—281.
- Иордан. 2001. *О происхождении и дебрях гетов (Getica).* Текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Казанский М. М., Перен П. 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований. *КСИА* 218, 24—42.
- Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Сворцов К. Н. 2018. *Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии.* Материалы спасательных археологических исследований 22. Москва: ИА РАН.
- Клещенко Е. А., Хомякова О. А. 2019. К изучению особенностей погребального обряда раннесредневековой культуры пруссов (биоархеологический аспект). *КСИА* 257, 356—373.
- Кулаков В. И. 1990. *Древности пруссов VI—XIII вв.* САИ Г1—9. Москва: Наука.
- Кулаков В. И. 1994. *Пруссы (V—XIII вв.).* Москва: Геоэко.
- Кулаков В. И. 2003. *История Пруссии до 1283 года.* Москва: Индрик.
- Кулаков В. И. 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I—XI вв. н. э. *Stratum plus* (4), 278—382.
- Кулаков В. И. 2007. *Доллькайм-Коврово. Исследования 1992—2002 гг.* Минск: ИИ НАНБ.
- Кулаков В. И. 2014. Hünenberg-«Гора Великанов». Могильник III—IV вв. на севере Самбии. *Barbaricum* 10, 199—362.
- Кулаков В. И., Витязь С. П. 2001. Массовое погребение коней на могильнике Доллькайм. *Матэрыялы на археалогіі Беларусі* 3, 195—201.
- Куликаускаене Р. К. 1953. Погребения с конями у древних литовцев. *СА XVII*, 211—222.
- Мастыкова А. В. 2012. *Отчет о спасательных раскопках грунтового могильника Заостровье 2 (Schlakalken) Зеленоградского района Калининградской области в 2011 году.* Архив ИА РАН. Р-1. №34904.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В. 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангической культуры. В: Макаров Н. А., Мастыкова А. В., Хохлов А. Н. (ред.). *Археология Балтийского региона.* Москва: ИА РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 74—79.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е. 2021. Воин и боевой конь у эстиев: первые результаты исследования «всаднического» погребения римского времени на могильнике Романово-Пугачевский пруд. *Stratum plus* (4), 61—78.
- Мастыкова А. В., Юганов К. Л. 2019. Погребения с оружием на могильнике римского времени Заостровье-2 в Северной Самбии. *Stratum plus* (4), 211—234.
- Сворцов К. Н. 2010. *Могильник Митино V—XIV вв. (Калининградская область).* Материалы охранных археологических исследований 15. Москва: ИА РАН.
- Сворцов К. Н. 2014. Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году. *Stratum plus* (4), 213—230.
- Сворцов К. Н. 2016. Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпо-

№5. 2021

- ху Великого переселения народов. *КСИА* 244, 146—165.
- Скворцов и др. 2018: Скворцов К.Н., Макаров Н.А., Хохлов А.Н., Энговатова А.В. 2018. Грунтовый могильник Алейка-7 (Калининградская область, Зеленоградский район). В: Энговатова А.В. (отв. ред.). *Городища, селища, могильники. Раскопки 2017*. Материалы спасательных археологических исследований 25. Москва: ИА РАН, 346—353.
- Юганов К.Л. 2012. *Отчет об охранных археологических раскопках на грунтовом могильнике Заостровье 2 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2011 году*. Архив ИА РАН. Р-1. №35979.
- Arrhenius B. 1983. The Chronology of the Vendel graves. In: Lamm J.P., Nordström H.-Å. (eds.). *Vendel Period Studies*. Sotckholm: Statens Historiska Museum, 39—70.
- Arwidsson G. 1954. *Die Gräberfunde von Valsgärde II. Valsgärde 8*. Uppsala; Stockholm; København: Almqvist & Wiksell; Ejnar Munksgaard.
- Bitner-Wróblewska A. 2007. *Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland*. Monumenta Archaeologica Barbarica XII. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
- Bliujienė A., Butkus D. 2009. Burials with Horses and Equestrian Equipment on the on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries). *Archaeologia Baltica* 11, 149—163.
- Bliujienė A., Steponaitis V. 2009. Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migration Period. *Archaeologia Baltica* 11, 185—205.
- Bliujienė et al. 2017: Bliujienė A., Stančikaitė M., Piličiauskienė G., Mažeika J. 2017. Human-Horse Burials in Lithuania in the Late Second to Seventh Century AD: A Multidisciplinary Approach. *European Journal of Archaeology* 2017, 1—28.
- Cieśński A. 2010. *Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und Oberer Drwęca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preussischer Kulturbesitz; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Gręzak A. 2007. Groby koni na cmentarzyskach kultury bogaczewskiej. In: Bitner-Wróblewska A. (red.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 353—367.
- Jaskanis J. 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millennium of Our Era. *Acta Baltico-Slavica* 4, 29—66.
- Jaskanis J. 1974. *Obrądek pogrzebowy zachodnich Baltów u schyłku starożytności (I—V w.n.e.)*. Biblioteka Archeologiczna 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Jankuhn H. 1939. Gräberfeld der ersten Jahrhunderte v. Zr. aus Schlakalken. *Prussia* 32 (2), 245—260.
- Jaskanis J., Okulicz J. 1981. Kultura zachodniobałtyjska. In: Wielowiejski J. (red.). *Prahistoria ziem polskich V. Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 216—263.
- Kontny B., Okulicz-Kozarin J., Pietrzak M. 2009. Horse Graves in the Elbląg Group. The Case of the Cemetery at the Nowinka, Tolkemicko Commune. *Archaeologia Baltica* 11, 164—184.
- Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. 2011. *Nowinka. Site 1. The Cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk; Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk.
- Müller-Wille M. 1971. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek* 20—21, 119—248.
- Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski W. 2009. Horse Burials in Roman Period Cemeteries of the Bogaczewo Culture. *Archaeologia Baltica* 11, 115—129.
- Okulicz J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do XII w.n.e.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Poulik J. 1995. Žurān in der Geschichte Mitteleuropas. *Slovenská Archeológia* 43 (1), 27—109.
- Stolpe H., Arne T.J. 1927. *La nécropole de Vendel*. Stockholm: Kingl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Tacite. 1983. *La Germanie*. Texte latin, traduction et commentaires de J. Perret. Paris: Les Belles Lettres.
- Tejral J. 2013. The Connections between the Region North to the Danube and Northern Europe. Some Aspects of Ethnic and Social Identity of the Fifth Century Elites. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds.). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 383—408.
- Tejral J. 2017. Les élites princières du pays nord-danubien au début de l'époque mérovingienne. *Přehled Výzkumů* 58 (1), 103—137.

References

- Dobrovol'skaia, M.V. 2010. In Skvortsov, K.N. *Mogil'nik Mitino V—XIV vv. (Kaliningradskaja oblast'). Po rezul'tatam issledovanii 2008 g. (Mitino Necropolis of 5th—14th Centuries (Kaliningrad Oblast): based in the Research Results of 2008)* 1. Series: Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovanii (Materials of Rescue Archaeological Research) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 199—217 (in Russian).
- Dobrovol'skaia, M.V. 2018. In Kazanski, M.M., Zal'tsman, E.B., Skvortsov, K.N. *Rannesrednevekovi mogil'nik Zaostrov'e-1 v Severnoi Sambii (Zaostrovye-1, the Early Medieval Burial Ground in Northern Sambia)*. Series: Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovanii (Materials of Rescue Archaeological Research) 22. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 261—281 (in Russian).
- Jordanes. 2001. *O proiskhozhdenii i deianiiakh getov. Getica (De origine actibusque Getarum: the Getica)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Kazanski, M.M., Périn, P. 2005. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 218, 24—42 (in Russian).

- Kazanski, M.M., Zal'tsman, E.B., Skvortsov, K.N. 2018. *Ranresnednevekovi mogil'nik Zaostrov'e-1 v Severnoi Sambii (Zaostrovye-1, the Early Medieval Burial Ground in Northern Sambia)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Research) 22. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kleshchenko, E.A., Khomiakova, O.A. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 257, 356—373 (in Russian).
- Kulakov, V.I. 1990. *Drevnosti prussov VI—XIII vv. (The Antiquities of Old Prussians of the 6th—13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1-9. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kulakov, V.I. 1994. *Prussy (V—XIII vv.) (Old Prussians in 5th—13th Centuries)*. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
- Kulakov, V.I. 2003. *Istoriia Prussii do 1283 goda (History of Prussia to the Year 1283)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
- Kulakov, V.I. 2005. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 278—382 (in Russian).
- Kulakov, V.I. 2007. *Doll'kaim-Kovrovo. Issledovaniia 1992—2002 gg. (Dollkheim-Kovrovo. The 1992—2002 Investigations)*. Minsk: Academy of Sciences of Belarus, History Institute (in Russian).
- Kulakov, V.I. 2014. In *Barbaricum* 10, 199—362 (in Russian).
- Kulakov, V.Y., Vityaz', S.P. 2001. In *Materyyaly na arkealohii Belarusi (Materials to the Archaeology of Belarus)* 3, 195—201 (in Russian).
- Kulikauskene, R.K. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XVII, 211—222 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2012. *Otchet o spasatel'nykh raskopkakh gruntovogo mogil'nika Zaostrov'e 2 (Schlakalken) Zelenogradskogo raiona Kaliningradskoi oblasti v 2011 godu (Report on Rescue Excavations if the Zaostrovye-2 (Schlakalken) Plain Burial Ground, Zelenogradsk District, Kaliningrad Oblast, in 2011)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 34904 (in Russian).
- Mastykova, A.V., Dobrovol'skaia, M.V. 2013. In Makarov, N.A., Mastykova, A.V., Khokhlov, A.N. (eds.). *Arkheologiia Baltiskogo regiona (Archaeology of the Baltic Region)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 74—79 (in Russian).
- Mastykova, A.V., Iuganov, K.L. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 211—234 (in Russian).
- Mastykova, A.V., Dobrovol'skaya, M.V., Antipina, E.E. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 61—79 (in Russian).
- Skvortsov, K.N. 2010. *Mogil'nik Mitino V—XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'). Po rezul'tatam issledovaniy 2008 g. (Mitino Necropolis of 5th—14th Centuries (Kaliningrad Oblast): based in the Research Results of 2008)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Research) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Skvortsov, K.N. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 213—230 (in Russian).
- Skvortsov, K.N. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 244, 146—165 (in Russian).
- Skvortsov, K.N., Makarov, N.A., Khokhlov, A.N., Engovatova, A.V. 2018. In Engovatova, A.V. (ed.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 (Towns, Rural Settlements, Burial Grounds: Excavations in 2017)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy (Materials of Rescue Archaeological Research) 25. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 346—353 (in Russian).
- Iuganov, K.L. 2012. *Otchet ob okhrannykh arkhеologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike Zaostrov'e 2 v Zelenogradskom raione Kaliningradskoi oblasti v 2011 godu (Report on Rescue Archaeological Excavations if the Zaostrovye-2 Plain Burial Ground, Zelenogradsk District, Kaliningrad Oblast, in 2011)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 35979 (in Russian).
- Arrhenius, B. 1983. The Chronology of the Vendel graves. In Lamm, J.P., Nordström, H.-Å. (eds.). *Vendel Period Studies*. Stockholm: Statens Historiska Museum, 39—70.
- Arwidsson, G. 1954. *Die Gräberfunde von Valsgärde II. Valsgärde 8*. Uppsala; Stockholm; København: Almqvist & Wiksell; Ejnar Munksgaard.
- Bitner-Wróblewska, A. 2007. *Netta. A Balt Cemetery in North-eastern Poland*. Monumenta Archaeologica Barbarica XII. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
- Bliujienė, A., Butkus, D. 2009. Burials with Horses and Equestrian Equipment on the on the Lithuanian and Latvian Littorals and Hinterlands (from the Fifth to the Eighth Centuries). *Archaeologia Baltica* 11, 149—163.
- Bliujienė, A., Steponaitis, V. 2009. Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migration Period. *Archaeologia Baltica* 11, 185—205.
- Bliujienė, A., Stančikaitė, M., Piličiauskienė, G., Mažeika, J. 2017. Human-Horse Burials in Lithuania in the Late Second to Seventh Century AD: A Multidisciplinary Approach. *European Journal of Archaeology* 2017, 1—28.
- Cieśński, A. 2010. *Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und Oberer Wręca*. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preussischer Kulturbesitz; Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Gręzak, A. 2007. Groby koni na cmentarzyskach kultury bogaczewskiej. In Bitner-Wróblewska, A. (red.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 353—367.
- Jaskanis, J. 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millennium of Our Era. *Acta Baltico-Slavica* 4, 29—66.
- Jaskanis, J. 1974. *Obrądek pogrzebowy zachodnich Baltów u schyłku starożytności (I—V w. n. e.)*. Biblioteka Archeologiczna 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Jankuhn, H. 1939. Gräberfeld der ersten Jahrhunderte v. Zr. aus Schlakalken. *Prussia* 32 (2), 245—260.
- Jaskanis, J., Okulicz, J. 1981. Kultura zachodniobałtyjska. In Wielowiejski, J. (red.). *Prahistoria ziem polskich V. Późny okres lateralski i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 216—263.
- Kontny, B., Okulicz-Kozarın, J., Pietrzak, M. 2009. Horse Graves in the Elbląg Group. The Case of the Cemetery at the Nowinka, Tolkemicko Commune. *Archaeologia Baltica* 11, 164—184.
- Kontny, B., Okulicz-Kozarın, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka. Site 1. The Cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk; Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk.
- Müller-Wille, M. 1971. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemoderzoek* 20—21, 119—248.
- Nowakowski, W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg.
- Nowakowski, W. 2009. Horse Burials in Roman Period Cemeteries of the Bogaczewo Culture. *Archaeologia Baltica* 11, 115—129.
- Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do XII w. n. e.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Poulik, J. 1995. Žurāņ in der Geschichte Mitteleuropas. *Slovenská Archeológia* 43 (1), 27—109.
- Stolpe, H., Arne, T.J. 1927. *La nécropole de Vendel*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Tacite. 1983. *La Germanie*. Texte latin, traduction et commentaires de J. Perret. Paris: Les Belles Lettres.
- Tejral, J. 2013. The Connections between the Region North to the

№5. 2021

Danube and Northern Europe. Some Aspects of Ethnic and Social Identity of the Fifth Century Elites. In Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (eds.). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristian-

sand; Simferopol: Dolya, 383—408.
Tejral, J. 2017. Les élites princières du pays nord-danubien au début de l'époque mérovingienne. *Přehled Výzkumů* 58 (1), 103—137.

Статья поступила в номер 13 ноября 2020 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat on Archaeology. National Center for Scientific Research, UMR-8167 "East and Mediterranean"¹.

Mihail Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat în arheologie. Centrul național de cercetări științifice.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат археологии. Национальный центр научных исследований, Лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье».

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Anna Mastykova (Moscow, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences².

Anna Mastykova (Moscovă, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Мастыкова Анна Владимировна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: amastykova@mail.ru

Addresses: ¹ Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France; ² Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

Список сокращений

- АБИГИ АНА — Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. Сухум.
 АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург.
 АБУ — Археологічні відкриття в Україні. Київ.
 АГПИ — Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
 АГУ — Астраханский государственный университет. Астрахань.
 АДГУ — Археологія і давня історія України. Київ.
 АДУ — Археологічні дослідження в Україні. Київ.
 АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
 АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
 алб. — албанский язык.
 алб. гег. — гегский диалект албанского языка.
 АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
 АлтГУ — Алтайский государственный университет. Барнаул.
 АН РБ — Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
 АН СССР — Академия наук СССР. Москва.
 АН УРСР — Академия наук Украинской РСР. Київ.
 АН УССР — Академия наук Украинской ССР. Киев.
 АН ЧР — Академия наук Чеченской Республики. Грозный.
 АО — Археологические открытия. Москва.
 АОН — Археологические открытия на новостройках, Москва.
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
 арбн. — арбнешский диалект албанского языка.
 АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
 БВЛ — Библиотека всемирной литературы. Москва.
 БГПУ — Барнаульский государственный педагогический университет. Барнаул.
 БГУ — Брянский государственный университет. Брянск.
 ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
 ВГПИ — Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
 ВГУ — Воронежский государственный университет. Воронеж.
 ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
 ВОЛС — волоконно-оптическая линия связи.
 ВСО — Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербург.
 ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
 ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
 ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы. Москва.
 ГМВ — Государственный музей Востока. Москва.
 ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
 ГЭ — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
 ДАС — Донецкий археологический сборник. Донецк.
 ЕНУ — Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Нур-Султан.
 ЗНУ — Запорожский национальный университет. Запорожье.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса.
 ЗОРСА РАО — Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
 ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва.
 ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
 ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
 ИГ СО РАН — Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
 ИД — издательский дом.
 ИИ АН РТ — Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
 ИИ НАНБ — Институт Истории Национальной Академии наук Белоруссии. Минск.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
 ИОГ РАН — Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова Российской Академии наук. Москва.

- ИОЛЕАЭ — Известия [Императорского] Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Москва.
- ИрГУ — Иркутский государственный университет. Иркутск.
- ИРИ РАН — Институт российской истории Российской Академии наук. Москва.
- ИЯЛИ АН РТ — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
- ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Казань.
- ІА НАНУ кат. — Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
- КГУ — Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
- КГУ — Курский государственный университет. Курск.
- ҚДК — культура длинных курганов.
- КНЦ РАН — Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
- КОКМ — Курский областной краеведческий музей. Курск.
- КСАН — Корпус случайных археологических находок. Москва.
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. Москва.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград/Санкт-Петербург.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. Санкт-Петербург.
- КубГУ — Кубанский государственный университет. Краснодар.
- КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Ленинград.
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
- МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
- МИОН — Межрегиональные исследования в общественных науках. Воронеж.
- НА ІА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
- НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
- НА ИИМК РАН. РО — Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Рукописный отдел. Санкт-Петербург.
- НА ІА НАНУ — Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ.
- НА НИАЛ ХНПУ — Научный архив научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Харьков.
- НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НАИМ БАН — Национален археологически институт с музей, Българска академия на науките. София.
- НАНУ — Национальная Академия наук Украины. Киев.
- НГДУ — Нефтегазодобывающее управление.
- НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт. Новосибирск.
- нгр. — новогреческий язык.
- НГУ — Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
- НЕЦУ — Національний екологічний центр України. Київ.
- НИЦ ГП ВСУ — Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных Сил Украины. Киев.
- ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
- НовГУ — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород.
- ПА — Поволжская археология. Казань.
- ПАО — Псковское археологическое общество. Псков.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
- ПКМ — Полтавський краєзнавчий музей. Полтава.
- ПЛ — Псковские летописи.
- под. — подбой.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Москва.
- РА — Российская археология. Москва.
- РА ИИМК РАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
- РАН — Российская академия наук. Москва.
- РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
- РСМ — Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
- РСО-А — Республика Северная Осетия-Алания.
- РЦНИТ — Региональный центр новых информационных технологий. Харьков.

№5. 2021

- СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ — Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
СИААМЗ — Староладожский историко-археологический и архитектурный музей-заповедник. Старая Ладога.
СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПБИН РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Санкт-Петербург.
СЭ — Советская этнография. Москва.
ТвГУ — Тверской государственный университет. Тверь.
ТГУ — Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
Труды АС — Труды Археологического Съезда.
Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ленинград.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
УАН — Українська Академія наук. Київ.
УИВИ — Украинский институт военной истории. Киев.
УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УТОШК — Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ХГУ — Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ АГПА — Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦМ ВС — Центральный музей вооружённых сил. Киев.
ЦОДПА — Центр охорони та досліджень пам'яток археології Полтавської обл. Полтава.
ЦП НАНУ — Центр пам'яткознавства Національної академії наук України. Київ.
шахт. — шахтная гробница.
ad. — adultus.
AJHG — American Journal of Human Genetics. Cambridge, MA.
AMM — Acta Militaria Mediaevalia. Sanok.
BAR IS — British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
FAO — Food and Agriculture Organization of the United Nations.
ICAZ — International Council for Archaeozoology.
ИНСМ — Institute for the History of Material Culture. Saint Petersburg.
inf. II — infans II.
iuv. — iuvenis.
LEKUB — Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau.
mat. — maturus.
pl. — plural.
PNAS — Proceedings of the National Academy of Sciences. New York.
RAS — Russian Academy of Sciences. Moscow.
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche. București.
SSRN — Social Science Research Network.